

О Толстомъ.

Да, именно: о Толстомъ. Отдѣльныя замѣчанія — и только. Когда-то, въ книгѣ, я пытался привести ихъ въ «систему». То же дѣлали и другіе о немъ писавшіе. Не выходило: въ систему его не приведешь. Онъ и слишкомъ огроменъ, и слишкомъ измѣнчивъ. Когда пишешь о Толстомъ, надо забыть послѣдніе слѣды претензій. Нѣскольکو случайныхъ, отрывочныхъ замѣчаній, — больше ничего.

Иностраннѣй издатель мнѣ пишетъ: «Слава Толстого, какъ констатировано, теперь не въ высшей своей точкѣ»... Я этого не зналъ: вотъ, вѣдь, «констатировано». Издателямъ, конечно, виднѣе. Впрочемъ, повышенія и пониженія великихъ писателей на расцѣночной биржѣ — довольно обычное, естественное явленіе. Въ общемъ, Толстому жаловаться не приходится. Шопенгауэръ говорилъ: «мои книги могутъ подождать, — имъ предстоитъ долгая жизнь». Литературная карьера Толстого была очень счастливой: міровымъ шедевромъ началъ, міровымъ шедевромъ кончилъ. «Дѣтство» было сразу «замѣчено». Казалось бы, не замѣтить было довольно трудно. Однако, извѣстное письмо Некрасова до сихъ поръ совершенно серьезно приводятъ въ доказательство его критической пронизательности. А Некрасовъ писалъ: «не могу сказать рѣшительно, но мнѣ кажется, что въ авторѣ есть талантъ»; давалъ полезныя совѣты: «побольше жизни и движенія»...

Потомъ пришла міровая слава. Правда, какъ она пришла? «Война и Миръ» вначалѣ не имѣла въ Европѣ никакого успѣха. Тургеневъ еще въ 1880 году говорилъ: «Изъ французскихъ писателей и публицистовъ ни одинъ съ достаточнымъ вниманіемъ не прочиталъ, да и не прочтетъ это превосходное сочиненіе». Флоберъ отозвался восторженно (его отзывъ тысячу разъ цитировали), но и онъ

сознался Тургеневу, что третьяго тома не дочиталъ, изъ за «философіи». Міровую славу Толстой пріобрѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ сталъ тачать сапоги. Понадобились еще франко-русскій союзъ, прибытіе русской эскадры въ Тулонъ, экстренные поиски «славянской мистики» во Франціи, женитьба виконта де-Вогюэ на Анненковой... Зато съ парижскимъ признаніемъ пришло и доказательство славы, — доказательство чисто анекдотическое: Деруледъ прискакалъ въ Ясную Поляну, чтобы заинтересовать Толстого идеей войны съ Германіей...

Время сдѣлало свое дѣло. Слава стала настоящей и вѣчной, независимой отъ биржевыхъ расцѣнокъ. Конечно, о Толстомъ теперь меньше пишутъ, чѣмъ объ Эрнстѣ Толлерѣ или о Пиранделло, — но на то у Толлеровъ «новое слово». Ничего, издатели могутъ констатировать. «*La postérité ne pourra rien contre moi, on mordra sur du granit*», — хладнокровно говорилъ Наполеонъ на островѣ св. Елены.

Это относится, разумѣется, лишь къ художественному творчеству Толстого. Скажемъ правду: мимо его морально-философскихъ взглядовъ человѣчество прошло совершенно равнодушно. Именно равнодушно: безъ ненависти, безъ раздраженія, будто вообще не замѣтивъ. Въ десятилѣтіе, послѣдовавшее за его кончиной, жизнь какъ нарочно разыграла такой Грань-Гиньоль, подобнаго которому не было съ сотворенія міра. Какъ бы отвѣтомъ на тридцать лѣтъ Яснополянскій проповѣди оказались небывалая война, нѣсколько революцій, Чрезвычайная Комиссія.

Впрочемъ, Толстой на насъ, кажется, большихъ надеждъ и не возлагалъ. Онъ говорилъ (Виноградову): «Лѣтъ черезъ 500 тѣ вѣрованья, изъ за которыхъ духовоборы должны были выселиться въ Америку, будутъ господствующими у большинства христіанскихъ народовъ». — Лѣтъ черезъ 500! И то лишь господствующими, и даже не у всѣхъ народовъ, а у большинства христіанскихъ.

Онъ порою пугалъ человѣчество бѣдствіями, которыя должны его постигнуть, если оно не «одумается». Часто цитируютъ злое и мѣткое слово Толстого о Леонидѣ Андреевѣ: «онъ пугаетъ, а мнѣ не страшно». Въ дѣйствительности Левъ Николаевичъ выразился забавнѣе: «По поводу

Леонида Андреева я всегда вспоминаю одинъ изъ рассказовъ Гинцбурга, какъ картавый мальчикъ рассказываетъ другому: «я шой гуйять и вдъюгъ вижю, бѣжитъ войкъ.. испугайся?... испугайся?..» Такъ и Андреевъ все спрашиваетъ меня: «испугайся»? А я нисколько не испугался». — Что-жь, самъ Толстой какъ бы спрашивалъ человѣчество: «одумалось?» Человѣчество могло бы совершенно искренно отвѣтить: «нѣтъ, не одумалось». Но оно вообще не отвѣчало.

«Люди дѣла» — самые разные — слышать объ его философіи никогда не хотѣли, Графъ Витте называлъ ее «ребяческой». Клемансо высказывалъ сомнѣніе въ душевномъ здоровьѣ Толстого. Ленинъ посвятилъ ему нѣсколько бездарныхъ и безстыдныхъ страницъ, въ которыхъ обличалъ «проповѣдь одной изъ самыхъ гнусныхъ вещей, какія только есть на свѣтѣ, именно: — религія, стремленіе поставить на мѣсто поповъ на казенной должности поповъ по нравственному убѣжденію, т. е. культивированіе самой утопической и потому особенно омерзительной поповщины» и т. д.

Результаты — пусть временные (да еще временные ли?) — достаточно извѣстны. Комсомольцевъ въ Россіи, и во всемъ мірѣ, неизмѣримо больше, чѣмъ толстовцевъ.

Въ европейской умственной аристократіи понимаютъ его немногіе. Понимаетъ Андре Моруа, съ нѣжностью безпрестанно его цитирующій. Понимаетъ Томасъ Маннъ. Леонъ Блюмъ пишетъ въ своей книгѣ «En lisant»: «Толстой со всей высоты генія господствуетъ надъ міровой литературой. «Война и Миръ» — самый прекрасный изъ всѣхъ существующихъ романовъ, еще болѣе прекрасный, чѣмъ «L'Education Sentimentale», — для меня этимъ все сказано»... Можно назвать еще нѣсколько именъ.

Но Голсуерси, Арнольдъ Беннетъ предпочитаютъ Толстому Тургеневу; Жидъ, Моріакъ и многіе другіе — Достоевскаго... Одинъ «аристократъ ума» предпочитаетъ ему даже Максима Горькаго. Бумага вытерпѣла.

Ушло ли впередъ искусство со времени его смерти? Если-бъ это было такъ, то хоть нѣкоторыя страницы Толстого казались бы намъ устарѣвшими, старомодными. Я

ни одной такой страницы не знаю. Онъ, быть можетъ, единственный совершенно не старѣющій писатель. Нѣкоторыя произведенія Тургенева, — «Дымъ», на примѣръ, — теперь тяжело читать, почти такъ, какъ тяжело читать Карамзина. Вотъ развѣ не старѣетъ еще проза Лермонтова (въ отличіе отъ его стиховъ).

Въ «Войнѣ и Мирѣ», какъ указалъ, кажется, Томасъ Маннъ, искусство достигло предѣла: дальше какъ будто идти некуда. Повидимому, чувствовалъ это и самъ Толстой. Въ послѣдніе годы жизни онъ пытался перейти къ «примитиву», очель серьезно подумывалъ о кинематографѣ. Фильмовъ его мы не знаемъ, но чисто-литературные примитивы Толстого не заставляютъ забыть «Войну и Миръ». Самый высокій образецъ искусства онъ видѣлъ въ исторіи Юсифа Прекраснаго. Спора нѣтъ, встрѣча Юсифа съ братьями недостижимый шедевръ примитива. Однако сцену встрѣчи въ Мытищахъ этотъ шедевръ не замѣнить.

Нѣтъ, въ направленіи примитива искусство пойти не можетъ: здѣсь тупикъ или, еще хуже, пустота. Лучшее изъ того, что было создано въ послѣднее время, идетъ къ дальнѣйшему усложненію: Марсель Прусть вышелъ изъ Толстого, — стоитъ прочесть сцену прощанья Свана съ герцогомъ и герцогиней Германтъ. Оттуда же и «La Mort de quelqu'un», и «Der Zauberberg», и «An American Tragedy», и даже многое въ «Dedalus».

Не превзойденъ онъ, конечно, и въ качествѣ историческаго романиста. Говорятъ, что новѣйшія изслѣдованія сильно поколебали историческій остовъ «Войны и Миръ». Дѣло, вѣроятно, не въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ. Какъ историческому романисту, Толстому можно поставить въ упрекъ лишь нѣкоторый недостатокъ безпристрастія. У него были любимцы, были и непреодолимыя антипатіи. Если-бъ Толстой, на основаніи матеріаловъ, которые не могли не быть ему извѣстны, пожелалъ подойти къ Кутузову такъ, какъ онъ подошелъ къ Наполеону, — то, по сравненію любимцемъ скорѣе оказался бы Наполеонъ.

Главной антипатіей Толстого была, конечно, императрица Екатерина II. Отзывы его о ней оставляютъ за собой даже извѣстную замѣтку Пушкина, тоже необычайно рѣзкую. Объ Екатеринѣ Толстой вообще не могъ гово-

рить спокойно — ни въ художественныхъ своихъ произведеніяхъ, ни въ публицистикѣ, ни въ частныхъ бесѣдахъ, — не могъ даже говорить «прилично», безъ самыхъ грубыхъ и оскорбительныхъ выраженій. Портретъ императрицы въ «Федорѣ Кузьмичѣ», по своему отталкивающему характеру, ни съ чѣмъ не сравнимъ въ художественной литературѣ. Нѣкоторыя черты этого портрета меня поражали, — я не могъ понять, откуда Толстой ихъ взялъ: въ огромной литературѣ объ Екатеринѣ II, даже въ литературѣ нагло-памфлетной, этихъ подробностей нѣтъ; а выдумать ихъ, конечно, не позволила бы Толстому совѣсть историческаго романиста. Я предполагалъ, что черты эти могли быть извѣстны Льву Николаевичу отъ людей, лично знавшихъ Екатерину: въ молодости онъ такихъ людей встрѣчалъ. Недавно въ воспоминаніяхъ о Толстомъ одного изъ его друзей я нашелъ рѣшеніе загадки. Оказывается, источникомъ послужили здѣсь рукописи Публичной Библиотеки:

«Однажды Стасовъ прислалъ Л. Н.—чу копію съ письма одного изъ многочисленныхъ случайныхъ фаворитовъ Екатерины второй съ цинически-откровенными, ужасными подробностями объ Екатеринѣ. Л. Н. показалъ мнѣ это письмо, и одной подробностью изъ него воспользовался въ своемъ неоконченномъ наброскѣ повѣсти о «Федорѣ Кузьмичѣ».

Надо прочесть дневники его молодости — и тотчасъ за ними тѣ, которые онъ писалъ старикомъ. Скажу прямо: первые интереснѣе вторыхъ. Толстой вообще не былъ мастеромъ дневника (есть вѣдь и такіе). Однако записи его юныхъ лѣтъ мѣстами прелестны. Онъ себя спрашиваетъ: «Есть ли у меня талантъ въ сравненіи съ новыми русскими литераторами?» И отвѣчаетъ «Положительно нѣту». Жалуется, что у него «нѣтъ ничего великаго ни въ слогѣ, ни въ чувствахъ»... Записываетъ: «Послѣ обѣда и отдыха ходилъ стрѣлять и думалъ о рабствѣ. На свободѣ подумаю хорошенько — выйдетъ ли брошюрка изъ моихъ мыслей объ этомъ предметѣ». Обвиняетъ себя во всѣхъ человѣческихъ грѣхахъ — и вдругъ утѣшается: «Проклятая дѣнь! Какой бы я былъ славный человѣкъ, если-бъ она мнѣ не мѣшала». Сочиняетъ самые неожиданные планы: «Попасть въ кругъ игроковъ и при деньгахъ

— играть»... «Попасть въ высокій свѣтъ и при извѣстныхъ условіяхъ жениться»... «Мечталъ цѣлое утро о покореніи Кавказа»... «Въ романѣ своемъ я изложу зло правленія Русскаго, и ежели найду его удовлетворительнымъ, то посвящу остальную жизнь на составленіе плана аристократическаго избирательнаго соединенія съ монархическимъ правленіемъ, на основаніи существующихъ выборовъ. Вотъ цѣль для добродѣтельной жизни. Благодарю Тебя, Господи, дай мнѣ силы»... «Составить истинную правдивую исторію Европы нынѣшняго вѣка. Вотъ цѣль на всю жизнь»...

Въ дневникахъ его послѣднихъ лѣтъ есть удивительныя страницы. Но въ нихъ толстовецъ все же слишкомъ часто вытѣсняетъ Толстого. Кое-что въ этихъ дневникахъ могъ бы написать и Чертковъ.

«Л. Н. обратилъ вниманіе на то, какъ красиво освѣщали дорогу солнечные лучи сквозь вѣтви деревьевъ. Онъ припомнилъ, что у Тургенева въ романѣ «Новь» прекрасно описано, какъ Сипягинъ встрѣтилъ Маріанну съ Неждановымъ, освѣщенныхъ такими лучами. Онъ меня спросилъ, не помню ли я это мѣсто. Я не помнилъ и сказалъ ему:

— Какъ это, Л. Н., вы помните?

Л. Н. разсмѣялся и сказалъ:

— Вѣдь вы же помните въ своей музыкѣ, а нашъ братъ въ своемъ дѣлѣ помнить».

Такъ рассказываетъ Гольденвейзеръ. «Свое дѣло»; пересмотря на всѣ отреченія и проклятья, Толстой страстно любилъ до послѣднихъ дней жизни, — до послѣднихъ дней въ самомъ буквальномъ смыслѣ. Наканунѣ своего ухода изъ Ясной Поляны онъ записалъ въ дневникѣ:

«Видѣлъ сонъ, Грушенька, романъ будто бы Н. Н. Страхова. Чудный сюжетъ».

Онъ говорилъ Сулержицкому:

— «Ты, Левушка, ничего не читаешь, это нехорошо, потому что самонадѣянно, а Горькій читаетъ много, это тоже нехорошо, — это отъ недовѣрія къ себѣ»...

Судержницкій, преданный ученикъ, вѣроятно, недоумѣвалъ — и не безъ основанія. Самъ Толстой читалъ безконечно много и, кажется, скорбѣлъ, что отъ этой дурной привычки труднѣе отстать, чѣмъ отъ картъ или отъ вина:

«Я самъ интеллигентъ и вотъ ужъ тридцать лѣтъ ненавижу въ себѣ интеллигента».

Но онъ не только читалъ, онъ также писалъ, — что было, разумѣется еще прискорбнѣе:

«Я много пишу, и это нехорошо, потому что отъ старческаго самолюбія, отъ желанья, чтобъ всѣ думали по моему».

Какъ быть съ его безчисленными противорѣчіями. Онъ самъ прекрасно зналъ ихъ за собою. Онъ чувствовалъ и то, что противорѣчія эти не «отъ ума», что идутъ они къ его душѣ, — «дѣтски-ясной душѣ Толстого», какъ писалъ одинъ мудрый его послѣдователь...

Въ дневникъ Гольденвейзера читаю:

«За чаемъ Елизавета Валеріановна сказала Маріи Николаевнѣ, своей матери, чтобы она выпила молока, и та стала пить».

Левъ Николаевичъ сказалъ:

— Какъ это, Машенька, ты пьешь? По мнѣ, если скажутъ: пей молоко, — захочу хересу, а скажутъ пить хересъ, — я молока захочу».

Менѣ всего въ немъ понятна мнѣ его практическая беспомощность. Этотъ человѣкъ, столь безконечно умный, такъ необыкновенно знавшій жизнь, такъ изумительно понимавшій людей, часто совершалъ поступки, полная нецѣлесообразность которыхъ была бы очевидна гимназисту. Онъ предлагалъ людямъ сдѣлать то, чего они явно сдѣлать не могли, и вдобавокъ предлагалъ въ такой формѣ, какая прежде всего должна была вызвать у этихъ людей нежеланіе слушать его совѣты. Въ своемъ письмѣ къ царю онъ совѣтовалъ Николаю II порвать съ православіемъ, съ самодержавіемъ и съ частной собственностью на землю, — при чемъ сообщалъ, что «во всѣхъ сословіяхъ никто уже не стѣсняется смѣло осуждать не только распоряженія правительства, но самого царя и даже бранить и смѣяться надъ нимъ». Предлагалъ Столыпину осуществить въ Россіи аграрные проекты Ген-

въ Дворянствѣ. Толстой былъ вполне способенъ обратиться къ разрыву старческаго устройства общества въ пользу Общественнаго Дворянства.

Толстой же въ детствѣ, онъ былъ, повидимому, и въ своей семейной жизни. Свою драму онъ въ значительной мѣрѣ самъ собою. Трогательно его отношеніе къ женѣ, предвѣстное дѣломъ кротости, любви, смиренія. Но въ драмѣ и въ жизни такъ часто въ другихъ дѣлахъ и мысляхъ. Толстой же неожиданно проскальзываетъ нѣчто совсемъ иное, почти страшное, почти жестокое. Уйдя изъ Ясной Поляны, онъ пишетъ Александрѣ Львовнѣ объ ея материнскомъ вліяніи на доброе вліяніе Тани и Сережи. Главнѣе же то, что они поняли и постарались внушить ей, что мнѣ съ этимъ подглядываніемъ, подслушиваніемъ, вѣчными укоризнами, распоряженіемъ мною, какъ вздумается, вѣчнымъ контролемъ, напускной ненавистью къ самому ближнему и нужному мнѣ человеку, съ этой явной ненавистью ко мнѣ и притворствомъ любви, что такая жизнь мнѣ не пріятна, а прямо невозможна, что если кому-нибудь топиться, то ужъ никакъ не ей, а мнѣ, что я желаю одного — свободы отъ нея, отъ этой лжи, притворства и злобы, которой проникнуто все ея существо».

При ихъ жизни въ стеклянномъ домѣ, онъ никакъ не могъ рассчитывать, что его письмо не станетъ извѣстнымъ міру. Написалъ ли онъ сгоряча это ужасное свидѣтельство о женщинѣ съ которой прожилъ 48 лѣтъ? Или, можетъ быть, прорвался въ немъ, подтолкнулъ его руку тотъ демонъ, который всю жизнь мучилъ Толстого?

Национальныхъ антипатій у него не было. Въ этомъ онъ сходится съ Пушкинымъ, съ Тургеневымъ, съ Герценомъ, со всей той частью большой русской литературы, которая о «всечеловѣчности» распространялась неохотно. Но старости лѣтъ онъ замѣчалъ, что старается особенно много и лестно говорить съ русскими инородцами и писать о нихъ, чтобы искупить грѣхи молодости, — впрочемъ, совершенно незначительные.

«Классовыя» симпатіи и антипатіи у него были. Онъ въ юной любовью любилъ высшую «настоящую» аристокрацію, къ которой принадлежалъ по рожденію «на всѣ сто процентовъ» (мать кн. Волконская, бабки кн. Горча-

кова и кн. Трубецкая, прабабка кн. Щетинина, и т. д.). Еще больше — и кровной, и разсудочной любовью — онъ любилъ мужиковъ. Не любилъ Толстой средніе классы, — среднее дворянство, чиновниковъ, купцовъ, въ особенности купцовъ либеральныхъ. Нерасположеніе шестнадцатилѣтняго Николеньки Иртенева къ людямъ, плохо говорящимъ по французски, кажется, осталось у Льва Николаевича до конца его дней.

Въ «Воскресеніи» извозчикъ-философъ говоритъ Нехлюдову: «Купцы все къ рукамъ прибрали. У нихъ не купишь, сами работаютъ. У насъ французъ владѣеть, у прежняго барина купилъ... Дюфаръ - французъ, можетъ, слышали. Онъ въ большомъ театрѣ на ахтерахъ парики дѣлаеть, дѣло хорошее, ну и нажился. У нашей барышни купилъ все имѣніе. Теперь онъ нами владѣеть. Какъ хочеть, такъ и ѣздитъ на насъ. Спасибо, самъ человекъ хорошій. Только жена у него, изъ русскихъ, такая то собака, что не приведи Богъ. Грабитъ народъ. Бѣда»...

Разумѣется, въ томъ, что человекъ, нажившійся на актерскихъ парикахъ, могъ прибрать къ рукамъ мужиковъ, для Толстого, «какъ солнце въ малой каплѣ водѣ» отражалось все приводившее его въ ярость въ пору «Воскресенья». Но и здѣсь Левъ Николаевичъ немедленно постарался «перенести удареніе съ національнаго на социальное»: Французъ Дюфаръ, спасибо, хорошій человекъ, настоящая собака жена его — «изъ русскихъ». Это заботливое упоминаніе, вѣроятно, тоже должно отнести къ «вытравленію въ себѣ патриотическаго предрасудка».

Наконецъ, были у него антипатіи профессиональныя. Общеизвѣстна и понятна его нелюбовь къ «судейскимъ». Менѣе понятно то, что изъ судейскихъ онъ особенно ненавидѣлъ адвокатовъ. Адвокаты Толстого всегда хуже, чѣмъ судьи, хуже даже, чѣмъ прокуроры, — казалось бы, почему? Министръ Каренинъ, тоже, какъ извѣстно, далеко не любимчикъ, много привлекательнѣе, чѣмъ адвокатъ, къ которому онъ обращается по своему бракоразводному дѣлу. Изъ четырехъ сенаторовъ, рассматривающихъ кассационную жалобу Масловой, хоть два — Сковородниковъ и Бе (Богъ знаетъ что, Ге, Фе, Де, tout l'alphabet, — говоритъ графиня Екатерина Ивановна) — болѣе или менѣе порядочные люди. Порядочный человекъ и товарищъ оберъ-прокурора Селенинъ, который помогъ отправить на каторгу невинную Катюшу Маслову. Онъ — заблужда-

ющійся. Но знаменитый адвокатъ Фонаринъ, — хоть за Нехлюдовскія деньги, но все же защищающій Катюшу, — просто хамъ и пошлякъ.

Былъ ли онъ счастливъ въ послѣдніе годы жизни? Хотя бы въ послѣдніе ея часы, исполнивъ то, что онъ считалъ долгомъ? (Послѣднія написанныя имъ слова: «И все на благо и другимъ, и главное мнѣ»). Думаю, что жить ему было тяжело и съ каждымъ годомъ все тяжелѣе. Горькій приводитъ его слова: «Халифъ Абдурахманъ имѣлъ въ жизни четырнадцать счастливыхъ дней, а я, навѣрное, не имѣлъ столько»... Безконечно тяжело было ему и умирать. Вѣдь для него «клеякіе листочки» не были литературнымъ образомъ, какъ для Достоевскаго, который въ жизни на эти листочки не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Въ будущую жизнь онъ вѣрилъ плохо. «Какъ-то спросилъ себя: вѣрю ли я? Точно ли вѣрю въ то, что смыслъ жизни въ исполненіи воли Бога, воля же въ увеличеніи любви (согласія) въ себѣ и мірѣ, и что этимъ увеличеніемъ, соединеніемъ въ одно любимаго — я готовлю себѣ будущую жизнь? И невольно отвѣтилъ, что не вѣрю такъ, въ этой опредѣленной формѣ. Во что же я вѣрю? — спросилъ я. И искренно отвѣтилъ, что вѣрю въ то, что надо быть добрымъ: смиряться, прощать, любить. Въ это вѣрю всѣмъ существомъ»...

Передъ неожиданностью этой замѣны будущей жизни добротой, передъ этимъ бѣшенымъ логическимъ скачкомъ, невольно теряешься. Онъ говорилъ еще и не то. Онъ себя спрашивалъ, нельзя ли вообще обойтись безъ Бога, хотя бы въ цѣляхъ единенія «съ безбожниками и агностиками». Правда, отъ этой мысли онъ отказался. Но почему? Отъ нея, по словамъ Льва Николаевича, ему становилось слишкомъ тяжело. Да вѣдь, можетъ быть, нелегко и безбожникамъ и агностикамъ?

За нѣсколько дней до своей кончины онъ записалъ ночью въ дневникъ: «Мнѣ очень тяжело въ этомъ домѣ сумасшедшихъ». Очевидно, онъ имѣлъ въ виду Ясную Поляну. Но понимать можно и шире.

М. Алдановъ.